

ПОЛИТИЧЕСКАЯ ИСТОРИЯ СИБИРИ /
POLITICAL HISTORU OF SIBERIA

Серия «Политология. Религиоведение»

2014. Т. 9. С. 142–151

Онлайн-доступ к журналу:

<http://isu.ru/izvestia>

ИЗВЕСТИЯ

Иркутского

государственного

университета

УДК 94(57)

**Роль Иркутска в становлении
международных отношений и торговли со странами
Азиатско-Тихоокеанского региона в XVIII–XIX вв.**

В. П. Шахеров

Иркутский государственный университет, г. Иркутск

Аннотация. В статье рассматриваются вопросы формирования дореволюционного Иркутска как административного и экономического центра Северной Азии. Анализируются основные этапы его взаимоотношений с Китаем, Монголией, Японией и территориями Русской Америки.

Ключевые слова: Иркутск, купечество, экономические связи, пушные промыслы, китайские товары.

С первых лет своего существования Иркутск отличал своеобразный восточный вектор, ориентированный на китайский рынок и тихоокеанские промыслы. Сама судьба, казалось бы, позаботилась о том, чтобы превратить его в центр обширнейшего края, сделать его «средоточием всей многообразной сибирской торговли». Этот город с самого своего основания был истинно российским, хотя близость к Востоку всегда придавала ему своеобразие и особый колорит. Новое русское поселение в Прибайкалье оказалось в центре пересечения важнейших торгово-промысловых и колонизационных путей. Ангара, с одной стороны, связывала его с остальной Сибирью, с другой – выводила на просторы Забайкалья, в монгольские степи и далее к китайской границе. По долинам Иркуты и Тунки можно было без труда добраться до Саян и по перевалам достичь Монголии. Наконец, через кудинские степи открывался путь к верховьям Лены, а по ней – в Якутию и на тихоокеанское побережье. Выгодное географическое положение делало Иркутск важнейшим стратегическим пунктом Северной Азии и во многом содействовало его административному статусу. Иркутское воеводство, затем провинция, губерния, наместничество, генерал-губернаторство наконец постепенно вобрали в себя необозримую территорию от Енисея до Тихого океана и Русской Америки. Это была «держава», почти равная заморским владениям Испании, причем территории ее постоянно расширялись.

С конца XVII в. Иркутск начинает играть ведущую роль в дипломатических отношениях и пограничной торговле с монгольскими княжествами и

Китаем. Усиление русского влияния в Забайкалье, с одной стороны, укрепляло торговые и политические связи с монгольскими феодалами, с другой же – нередко сопровождалось стычками и набегами монголов на бурятские земли. Еще в 1673 г. иркутские власти доносили, что из-за постоянных набегов монгольских отрядов на улусы бурят в «...ясачном сборе во всех острогах чинитца многая поруха и в ясачных иноземцах смута, а служилых людей в острогах за малолюдством бывает мало» [6, с. 9]. В этой ситуации руководителям сибирских острогов приходилось вести себя очень осторожно, стараясь мирным путем улаживать возникающие противоречия. Наиболее умелым дипломатом в эти годы проявил себя иркутский воевода Л. К. Кислянский. Так, в мае 1684 г. в остроге встречали посольство влиятельнейшего монгольского князя Очирой Саин-хана. В ходе переговоров иркутский воевода поблагодарил монголов за сообщение о намерениях маньчжур начать военные действия против русских острогов, но решительно пресек все предложения установить систему двойного обложения тункинских бурят. Москва же приписала воеводе и впредь пресекать попытки монголов претендовать на бурятское население, в то же время содействовать развитию торговых связей [1, с. 133].

К лету 1685 г. ситуация в Забайкалье резко осложнилась. На Амуре маньчжуры осадили Албазинский острог, а монгольские отряды блокировали Селенгинск и Удинск. Тогда же была предпринята попытка прорваться к Иркутску. В начале мая десяти тысячный отряд Цэцэн-нойона осадил Тункинский острог, прикрывавший дорогу на Ангару. Л. Кислянский спешно вооружил иркутских посадских и крестьян, пополнил ими малочисленный гарнизон и с отрядом в 120 человек отправился на помощь тункинским казакам. Цэцэн-нойон, узнав о приближении иркутян, снял осаду. Все участники обороны Тункинского острога были награждены отрезами кумача, а воевода – серебряным ковшом, соболями и китайскими тканями [1, с. 134]. В дальнейшем Иркутск стал одним из центров дипломатического диалога с монгольскими князьями. Контакты осуществляли как иркутский воевода, так и назначенный в Сибирь в 1686 г. чрезвычайный и полномочный посол боярин Ф. А. Головин. Переговоры начались в июне 1687 г. в Иркутске и продолжались осенью в Удинске и Селенгинске. В ноябре 1688 г. в Иркутск прибыло посольство правителя Джунгарии Галдан Бошокту-хана, предложившее русским властям помощь в отражении монгольских набегов. Сношения с Голданом продолжались и в следующем году. Их вел вновь определенный иркутским воеводой стольник Л. К. Кислянский, который к тому же был назначен товарищем (заместителем) Ф. А. Головина, «всякие наши, великого государя, дела делать заодно». В августе 1689 г. между Россией и Китаем был заключен Нерчинский мирный договор, установивший территориальные размежевания между двумя государствами. Ценой потери амурских владений России удалось отстоять забайкальские рубежи, локализовать маньчжурскую экспансию и тем самым спасти народы Прибайкалья и Забайкалья от порабощения.

Усилению торговой роли Иркутска заметно способствовало развитие пограничной торговли с Монголией и Китаем. Из Иркутска через Тунку служилые и торговые люди регулярно ездили в Монголию «для скотинной покуп-

ки». От бухарцев и монгольских торговцев в Иркутск поступали китайские товары, а оттуда вывозились на Ирбитскую ярмарку и в Россию. Бухарские торговцы, заинтересованные в установлении торговых связей с русскими купцами, с 1680-х гг. регулярно стали появляться в восточносибирских городах. Воспользовавшись частыми поездками монгольских послов в Иркутск, они стали отправлять караваны и туда. Первый такой караван подошел к стенам острога в ноябре 1684 г. На 170 верблюдах были доставлены китайские ткани, хлопчатая бумага, чай, табак, мерлушка. На следующий год Иркутск принял новый караван из 130 верблюдов в сопровождении 15 торговых бухарцев с семьями. Самым многочисленным оказался третий караван. На 172 верблюдах было привезено китайских и бухарских товаров более чем на 2 тыс. руб. [1, с. 113]. К их прибытию в Иркутске собрались торговые люди со всей Сибири. Съезд торговых и промышленных людей был настолько велик, что в городе не хватило жилых и складских помещений.

Большое значение для экономики края имело установление торговых отношений между Россией и Китаем. Центром этой торговли до начала XVIII в. был Нерчинск. Именно отсюда отправлялись казенные и частные караваны в Пекин. Через Иркутск товары проходили транзитом. Активным участником торговли была казна. Иркутский воевода Л. Кислянский уже в 1689 г. предлагал всю «мягкую рухлядь», собранную в Иркутске с ясачных людей и таможенной, посылать для обмена на китайскую границу и ожидал от этого «прибыль немалую» [8, с. 32].

Роль Иркутска заметно возросла после освоения нового пути в Китай через Селенгинск и монгольские степи. Впервые по нему проехало посольство Н. Г. Спафария в 1675 г. Для целей русско-китайской торговли его использовал российский торговый гость И. Саватеев. Новый путь хотя и был значительно труднее, но занимал почти в два раза меньше времени. С 1703 г. казенные караваны в Пекин стали уходить из Иркутска, что превратило его в центр караванной торговли. В 1706 г. новая дорога официально была одобрена Сибирским приказом.

В XVIII в. Иркутск становится признанным центром пушной торговли, привлекая сюда многочисленные капиталы из городов русского Севера. Кроме того, близость к китайскому торгу, который с 1730-х гг. был сосредоточен в торговой слободе Кяхта, также способствовал торговым оборотам города. В 1768 г. была учреждена Иркутская ярмарка, объемы торговли которой постоянно росли и уже в конце столетия достигли почти 4 млн руб., что составляло до 6 % общероссийского оборота [13, с. 130]. В результате торгово-промышленного освоения новых ресурсов на Дальнем Востоке и в северной части Тихого океана происходило формирование иркутского купечества. Даже те, кто не записался в иркутский посад, десятилетиями числились иногородними гостями, имели здесь конторы, складские помещения, жилые дома. В итоге в Иркутске сформировалось самое активное, предприимчивое, образованное купечество. Оказавшийся в августе 1787 г. в Иркутске американец Дж. Ледиард со слов иркутских купцов записал, что в разных частях Америки

находится до 2 тыс. русских промышленников. Он же отзывался о них как об «очень интересных и смелых людях» [3, с. 183].

С ростом числа и масштабов морских экспедиций росла роль сибирских властей в их подготовке. Указами и распоряжениями коронной власти им напрямую предписывалось содействовать укреплению позиций российских промышленников на новых территориях. Сибирские и иркутские власти неизменно поддерживали все проекты по расширению морских промыслов, созданию крупных компаний, организации постоянных поселений на американском континенте. В Иркутске, единственном российском городе, достаточно удаленном от морского побережья, с 1754 по 1839 г. существовало адмиралтейство, занимавшееся организацией перевозок через Байкал и обеспечением необходимыми припасами и оборудованием Охотского порта. В эти же годы в городе была открыта навигационная школа, ставшая настоящей кузницей кадров для освоения тихоокеанских просторов. В ней готовили штурманов, геодезистов, землемеров. К тому же со временем в ней появились классы по изучению восточных языков – монгольского, китайского, маньчжурского и даже японского.

С середины XVIII в. Иркутск становится основной базой промыслового освоения Русской Америки. Здесь формируются купеческие компании, заключаются торговые сделки, набираются команды промышленников и мореходов. По данным иркутской городской думы во второй половине XVIII в. среди работников тихоокеанских промыслов было около 200 иркутян [4, л. 1–8 об.]. Многие из них обратно в город уже не вернулись: погибли в вояжах, остались на островах, продолжали участвовать в промыслах на кораблях других компаний. Иркутское купечество охотно вкладывало капитал в создание промысловых компаний на Тихом океане и реализацию привезенных из Америки мехов на российском и китайском рынках. На всю Сибирь гремели имена купцов-промышленников И. Бечевина, Н. Трапезникова, позднее М. В. Сибирякова, Н. П. Мыльников, Ф. Я. Дудоровского, братьев Киселевых и др. Вместе с предпринимателями из других российских и сибирских городов они открыли и освоили острова Командорские, Алеутские, Прибылова, а также побережье и острова залива Аляска.

Тихоокеанские промыслы и торговля с Китаем привлекали в Иркутск многих предприимчивых людей из разных мест России, надеявшихся на быструю удачу и приобретение капиталов. В результате плаваний рыльского купца Григория Шелихова в 1783–1786 гг. были основаны первые русские поселения на островах Кадьяк, Агофнак и у входа в Кенайский залив на Аляске. Наряду с пушным промыслом Шелихов пытался завести на новых землях хлебопашество, разведать природные ресурсы, изучить обычаи и нравы аборигенного населения, установить торговые связи с промышленниками из других стран. Шелихов первый призвал к объединению всех промысловиков в одну крупную компанию по примеру английской Ост-Индской. Особое значение он придавал возможности «завести торговлю с Японией, Китаем, Индией, Филиппинскими и прочими островами, по Америке же – с гишпанцами и с американцами».

Идеи Г. И. Шелихова были реализованы иркутскими купцами. В начале 1796 г. возникла Иркутская коммерческая компания во главе с Николаем Мыльниковым. Для управления делами в Иркутске учреждалась Главная контора с филиалами в Охотске и на Камчатке. Это было уже не семейное предприятие, а акционерная компания, в которой проводились выборы ее правления. Следующим этапом стало ее объединение с компанией наследников Шелихова, а затем и создание Российско-Американской компании. Из 20 человек, подписавших акт о создании объединенной компании, 14 принадлежали к богатым и влиятельным в Иркутске купеческим фамилиям. В состав совета директоров компании, состоящего из четырех человек, вошли три иркутянина. 27 декабря 1799 г. права и привилегии компании были подтверждены и закреплены жалованной грамотой Павла I. Клану Шелиховых удалось добиться перевода главной конторы в Петербург, поближе к высочайшим покровителям, после чего иркутяне были оттеснены на второстепенные роли.

Рост Иркутска как административного и экономического центра привел к тому, что здесь сформировалось своеобразное и самобытное культурно-информационное пространство, включающее в себя как вербальные, так и письменные каналы. Слухи, разговоры и рассказы людей, побывавших в Новом свете, письма приказчиков и промышленных людей – все это активно потреблялось обществом, влияло на формирование представлений о далеких странах и территориях. Сами торговые связи зачастую служили звеньями информационного и культурного обменов между жителями городов и инородцами и жителями других государств. В городе проездом бывали многие мореплаватели, ученые и военные, также рассказывающие обо всем увиденном.

Российско-китайская торговля, несмотря на взаимовыгодный для обеих сторон характер, была ограничена территориально и хронологически. Она имела черты пограничной меновой торговли и была сосредоточена в одном пункте – Кяхте. Основной промен продолжался в течение всего нескольких месяцев – с ноября по март. Представители крупного капитала неоднократно делали попытки к расширению торговых связей с китайским государством, искали новые рынки сбыта. Во второй половине XVIII в. появилось много различных проектов установления торговых отношений с государствами Юго-Восточной Азии: Китаем, Японией, Кореей, Индией, Филиппинами, а на Американском материке – с испанцами и американцами.

В развитии торговых связей с Японией иркутские купцы проявляли особую заинтересованность. Еще с середины XVIII в. в городе было введено преподавание японского языка в местной навигационной школе. В начале 1790-х гг. в группе иркутских купцов и чиновников возник проект установления торговли с Японией. В сентябре 1791 г. появился именной указ «Об установлении торговых отношений с Японией». Поводом послужило желание Екатерины II вернуть на родину группу японских моряков, потерпевших кораблекрушение у российских берегов. Экспедиция отправлялась от имени иркутского генерал-губернатора, видимо, для того, чтобы не уронить престиж императрицы. Несмотря на то что Япония уклонилась от подписания дипломатических и торговых договоров, российским купцам было позволено

приходить в порт Нагасаки и производить торговлю. Полученные результаты вызвали в правительстве противоречивые оценки. Екатерина II ожидала большего и в ряде писем не скрывала своего разочарования его итогами. Тем не менее по ее распоряжению началась подготовка новой экспедиции в Японию. Лишь смерть основных вдохновителей проекта – Г. И. Шелихова, Э. Лаксмана и самой Екатерины II – помешала реализации планов иркутян.

В 1796 г. Мыльниковы с группой иркутских купцов разработали проект дальнейшего развития торговых отношений с Японией. Любопытно, что идеи Шелихова об объединении разрозненных капиталов были поддержаны иркутянами. Их проект предполагал создание единой торгово-промышленной компании для морской торговли на Южных Курилах и Японии, так как «разные компании, торгуя одинаковыми товарами, делают одна другой подрыв». Эти планы так и остались на бумаге, но в итоге их обсуждения появилась возможность создания объединенной компании иркутских купцов-промышленников, во главе которой встал Н. П. Мыльников с сыновьями.

Уже в середине XVIII в. в среде иркутских купцов и иногородних гостей начинают возникать проекты расширения тихоокеанских промыслов и торговой экспансии на китайские территории, объединения капиталов и образования компаний по примеру английских, голландских, даже китайских. Одним из первых предложил проект создания единой купеческой компании по торговле «с пограничными около Сибири государствами» в 1739 г. иркутский вице-губернатор Лоренц Ланг, не раз бывавший в Китае и хорошо знакомый с состоянием русско-китайского торгового дела [7, с. 287]. Позднее, в 1770-х гг., другой иркутский губернатор – А. Бриль просил разрешить в Иркутске учредить компанию наподобие голландской Ост-Индской, чтобы каждый купец или промышленник мог отдавать в контору свой капитал, не подвергая его никакой опасности [11, л. 15 об.].

Интересен также проект создания компании на паях для организации и отправки в Пекин купеческих караванов, поданный в 1793 г. группой купцов [5, л. 9–25]. Начальный капитал устанавливался в 200–400 тыс. руб. Составление каравана, закупка лошадей и повозок, наем работников должны были осуществляться в Иркутске. Считая, что кяхтинская торговля все более и более становится зависимой от китайской стороны, которая в основном привозит в Кяхту товары «совсем избыточны и коих с рук в другие места не могут сбыть», компаньоны предлагали закупать в Пекине и вывозить в Россию такие необходимые стране предметы, как драгоценные металлы, сырье для промышленных предприятий (шелк-сырец, ремень, сахар и т. п.). Предполагалась даже промышленная переработка некоторых видов сырья. Так, планировалось в Иркутске или близ него строительство сахарного завода, для чего авторы проекта испрашивали государственные привилегии.

В 1798 г. на рассмотрение Государственного совета поступили прошение и ряд записок иркутского купца Ф. Щегорина, неоднократно бывавшего в Китае и хорошо знакомого с организацией китайской торговли. Без ложной скромности он сам это подчеркивал: «Быв дважды в Пекине, скажу, что едва ли кто лучше меня сию коммерцию знает во всей Российской империи, да и

вся Европа точных сведений о том не имеет» [2, с. 764]. Подробно рассмотрев состояние российской и китайской коммерции, он отдал предпочтение последней и предлагал преобразовать торговлю России по образцу и правилам китайской. К лучшим сторонам китайской торговли он относил организацию их компаний, стремление изучить российский рынок, поддерживать высокие цены на свои товары, не променивать их на дорогие и ненужные вещи, а также на такие, которые производят в самом Китае. Несмотря на негативную в целом оценку бумаг Щегорина, некоторые мысли иркутянина нашли отражение в Правилах кяхтинской торговли 1800 г. Личность Ф. Щегорина оказалась малоизученной в исторической литературе. Между тем это был один из интереснейших представителей нового поколения сибирских предпринимателей [14, с. 75–77].

В начале XIX в. правительство попыталось предпринять практические шаги по реализации требований кяхтинских торговцев. При отправке в 1803 г. посольства Ю. Головкина в Китай ему поручалось среди прочих поднять вопрос о разрешении торговли по всей пограничной линии, а также об открытии для российского купечества Кантона. Цинские власти, как известно, не приняли российского посольства, и на долгое время эти очень важные для китайского торгового диалога проблемы исчезли из дипломатического диалога России с Пекином.

В первой половине XIX в. расширение китайского рынка было тесно связано на решении вопроса об Амуре. Вопрос о возвращении Амура неоднократно поднимался в проектах иркутян. Добивалось его разрешения и руководство Российско-Американской компании, для которой путь по Амуру и освоение дальневосточных рубежей было жизненно важно. После плаваний Невельского к устью Амура большую активность в разрешении амурской проблемы проявил генерал – губернатор Восточной Сибири Н. Н. Муравьев. В 1854 г. он, не спрашивая разрешения китайского правительства, на пароходе со многими баржами спустился по Амуру до Мариинского поста, где была оставлена сотня казаков. В 1855–1859 гг. было предпринято еще несколько сплавов по Амуру, сопровождавшихся переселением на новые земли казаков и крестьян. В мае 1858 г. Муравьевым был подписан Айгуньский договор, закрепивший за Россией левый берег Амура.

Многолетняя борьба сибирского купечества завершилась заключением в 1860 г. Пекинского договора, установившего свободную и беспошлинную торговлю на всем протяжении китайской границы и позволившего русскому купечеству ездить с караванами в Пекин и другие города Поднебесной. Наибольший интерес в расширении российского влияния на Восток и на территорию Юго-Восточной Азии проявляли иркутяне и жители забайкальских городов. В 1857 г. иркутский купец А. В. Белоголовый сообщал в одном из писем: «У нас в настоящее время открываются такие вопросы, край невольно начинает заинтересовывать: Амур, американцы, торговля с Японией, пароходство по Байкалу, пароходство по Амуру, посольство в Китай, бандероли на чай, поставка графиту в Европу и Америку, экспедиция к урянхам (тувинцам), железная дорога от Иркутска до Читы. Это такие события, за которыми начнется ряд новых и, может быть, гораздо замечательнейших» [9, с. 180]. Из

перечисленных проектов далеко не все осуществились, но само их разнообразие и широкое обсуждение в деловых кругах Сибири стимулировало активность местных капиталов на Востоке. Сибирские предприниматели хорошо понимали, что с занятием Амура Н. Н. Муравьев «прорубил окно к Тихому океану и открыл нам водяное сообщение со всем остальным миром!» [10, с. 161].

Для развития торговых отношений и плаваний по Амуру иркутянами была предпринята попытка создания специальной компании. Амурская компания задумывалась в духе Ост-Индской, но в итоге смогла вести только мелочную торговлю, а все ее более масштабные начинания окончились неудачами. В среде иркутских предпринимателей обсуждались планы организации торговли с Китаем и другими странами через Амур и Тихий океан. В 1859 г. иркутские купцы И. С. Хаминов и К. Г. Марьин направили на Амур своего родственника П. И. Пахолкова с целью установления торговых отношений с Китаем и Японией для организации доставки чая морем на Амур и далее в Забайкалье. Первые опыты по доставке чая морским путем были настолько успешными, что военный губернатор Приморской области посчитал ввоз чая через Николаевск полезным и необходимым. Для реализации этих планов вскоре было создано «Кяхтинско-Амурское товарищество» [10, с. 239–240].

Практически вся дальневосточная буржуазия сложилась из сибирских купцов, их приказчиков и доверенных лиц. Из иркутских купцов происходил основатель крупнейшего торгового дома на Дальнем Востоке И. Я. Чурин. Отделения фирмы «И. Я. Чурин и К» были открыты во всех городах региона, а после постройки КВЖД – и в городских поселениях Северного Китая: Харбине, Порт-Артуре, Инькоу, Имяньпо. По мнению приамурского генерал-губернатора С. Духовского, компания Чурина являлась наиболее надежным и крупным представителем русского торгового дела на Амуре [15, с. 81–82].

Произошедшие перемены усилили позиции сибирских, прежде всего иркутских, предпринимателей в торговле на Амуре и на китайской границе. Уже в 1860-х гг. некоторые из них смогли перенести торговые операции на территорию сопредельных стран. Торговля через Кяхту в это время сокращается вдвое, в то время как в десятки раз вырос экспорт через восточный участок границы и морскую торговлю с Китаем. Крупные российские и сибирские предприниматели, освоившись на внутреннем китайском рынке, включились в промышленное освоение региона. В 1863 г. возникла чайная фирма иркутян Н. Л. Родионова и И. С. Хаминова, которая владела чайными плантациями близ города Ханькоу. В 1876 г. это предприятие приобрел иркутский купец П. А. Пономарев. Он сумел значительно расширить производство. Кроме плантаций были устроены три фабрики по изготовлению плиточного и кирпичного чая. Магазины Пономарева имелись во всех крупных городах Сибири. Фирма «Пономарев и К» установила деловые отношения с Японией, Турцией, рядом стран Европы. Сам владелец занимался усовершенствованием технологии изготовления чая. Он первый стал производить прессованный плиточный чай. Много времени он уделял изучению китайского языка и культуры. В 1870-х гг. он занимал пост русского вице-консула в Ханькоу и за свою деятельность был удостоен звания коммерции советника [8, с. 184].

Активность русского и сибирского капитала на азиатском рынке заставляла власти определить свою экономическую стратегию. Расширение экономического пространства соответствовало геополитической стратегии России в Азиатско-Тихоокеанском регионе и в какой-то мере компенсировало потерю экономического и политического влияния на Тихом океане после продажи Русской Америки. Так, в 1862 г. кяхтинский градоначальник А. И. Деспот-Зинович представил генерал-губернатору Восточной Сибири записку «О мерах для сближения с Монголией», в которой в качестве главной задачи региональной политики определялось «распространение влияния на Китай и в особенности Монголию, Маньчжурию и Тибет». В ней, в частности, говорилось о создании в Восточной Сибири самостоятельной хозяйственной базы, ориентированной на Китай. В другом документе – «Записке о Китайских делах», определявшей внешнеторговую стратегию региона, приоритетными направлениями считались содействие дальнейшему заселению русского Дальнего Востока, развитие в крае промышленного производства, в том числе угледобычи и лесопереработки как экспортных отраслей, удешевление грузоперевозок за счет устройства новых путей сообщения и модернизации транспорта [12, с. 67–68].

Таким образом, в течение XVII–XIX вв. в Сибири была сформирована южная пограничная линия, составляющая несколько тысяч верст практически неохраваемой «прозрачной» границы с Китаем, Монголией, казахстанской степью. Сибирь не только играла роль своеобразного посредника между Россией и азиатскими странами, но и, благодаря своему соседству, имела возможности включиться в международную торговлю. Особая роль в развитии международных связей и торговли в течение рассматриваемого периода принадлежала Иркутску, ставшему крупнейшим центром административного и экономического воздействия на сопредельные территории. Иркутское купечество занимало ведущие позиции в расширении российского присутствия на островах Тихого океана, выдвигало многочисленные проекты развития торговых отношений с Китаем, Монголией, Японией, стояло у истоков хозяйственного освоения Амурского бассейна и юга Дальнего Востока.

Список литературы

1. *Александров В. А.* Россия на дальневосточных рубежах (вторая половина VII в.) / В. А. Александров. – Хабаровск : Кн. изд-во, 1984. – 272 с.
2. Архив Государственного совета. – СПб. : Тип. Второго отделения Собственной Е. И. В. канцелярии, 1888. – Т. 2. Совет в царствование императора Павла I-го (1796–1801). – 882 с.
3. *Болховитинов Н. Н.* Россия и война США за независимость. 1775–1783 / Н. Н. Болховитинов. – М. : Мысль, 1976. – 272 с.
4. Государственный архив Иркутской области (ГАИО). Ф. 70. Оп. 1. Д. 170.
5. Государственный архив Костромской области (ГАКО). Ф. 655. Оп. 2. Д. 205.
6. *Евдокимова С. В.* Очерки истории городов Забайкалья / С. В. Евдокимова. – Улан-Удэ : Бур. кн. изд-во, 1993. – 68 с.

7. Зоркин В. И. Иркутские градоначальники. Кн. 1: Воеводы и вице-губернаторы (1661–1764) / В. И. Зоркин. – Иркутск : Изд-во Иркут. гос. ун-та, 2006. – 384 с.
8. Иркутск в панораме веков: очерки истории города / отв. ред. Л. М. Дамешек. – Иркутск : Вост.-Сиб. издат. компания, 2002. – 512 с.
9. Матханова Н. П. Генерал-губернаторы Восточной Сибири середины XIX века / Н. П. Матханова. – Новосибирск : Изд-во СО РАН, 1998. – 428 с.
10. Мемуары сибиряков. XIX век / сост. Н. П. Матханова. – Новосибирск : Сиб. хронограф, 2003. – 346 с.
11. Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 24. Оп. 1. Д. 51.
12. Синиченко В. В. К вопросу о выборе стратегии развития внешнеэкономических связей Восточно-Сибирского региона в 60-х гг. XIX в. // Иркут. ист.-экон. ежегодник 2000 г. – Иркутск : Изд-во БГУЭП, 2000. – С. 64–69.
13. Шахеров В. П. Экономика сибирского дореформенного города (на материалах городов Байкальской Сибири) / В. П. Шахеров. – Иркутск : Изд-во Иркут. гос. ун-та, 2011. – 256 с.
14. Шахеров В. П. «Расстроен, разорен, уничтожен...» Судьба иркутского купца Федора Щегорина // Родина. – 2012. – № 8. – С. 75–77.
15. Шахеров В. П. Иркутское купечество и хозяйственное освоение северо-восточных территорий Сибири // Сибирское общество в контексте мировой и российской истории (XIX–XX в.): материалы Всерос. науч. конф. – Иркутск, 2010. – С. 77–84.

The Role of Irkutsk in the Development of International Relations and Trade with Countries in the Asia-Pacific Region in XVIIIth – XIXth Centuries

V. P. Shaherov

Irkutsk State University, Irkutsk

Abstract. The article deals with development of pre-revolutionary Irkutsk as an administrative and economic centre of Northern Asia. It analyses the main stages of its relationship with China, Mongolia, Japan and territories of Russian America.

Keywords: Irkutsk, merchants, economic ties, fur resources, Chinese goods.

Шахеров Вадим Петрович

*доктор исторических наук,
доцент, кафедра истории России,
исторический факультет
Иркутский государственный университет
664003, г. Иркутск, ул. К. Маркса, 1
тел.: 8(3952)240522
e-mail: wodalys@yandex.ru*

Shaherov Vadim Petrovich

*Doctor of Sciences (History), Associate
Professor, Department of Russian History,
Historical Faculty
Irkutsk State University
1, K. Marx st., Irkutsk, 664003
tel.: 8(3952)240522
e-mail: wodalys@yandex.ru*